

Ответы на вопросы французских журналистов телеканала TF1

Запись интервью состоялась 11 октября в городе Ковров Владимирской области.

12 октября 2016 года

В.Путин: Как вы здесь оказались? Это же маленький провинциальный город. Теперь куда ни приедешь в России, в любую деревню, там французы. И это очень хорошо, нас это радует.

М.Скотт (как переведено): Господин Президент, можете ли Вы объяснить нам, почему Вы не едете в Париж?

В.Путин: Это легко. Предполагалось, что мы торжественно откроем построенный в центре Парижа российский, русский религиозно-культурный центр. Но, судя по всему, это не самый подходящий момент для официальных мероприятий по этому поводу, имея в виду наше непонимание, мягко говоря, по тому, что происходит в Сирии и в частности вокруг Алеппо. А так мы, конечно, всегда открыты, кстати говоря, и по этой теме тоже для любых консультаций и диалога.

М.Скотт: Именно этого и хотели французы – использовать эту возможность, чтобы обсудить ситуацию в Сирии, а вы по этой же причине отказываетесь от этого визита.

В.Путин: Знаете, мы не то чтобы отказывались, просто нам сказали, что основная причина, повод моей поездки в Париж – а именно открытие этого культурно-религиозного центра – он сейчас неуместен. Но если основная причина моей поездки в Париж неуместна, тогда, наверное, мы найдём другую возможность встретиться и поговорить по Сирии. У нас нет никаких ограничений в этом вопросе, мы открыты для диалога.

Просто нам дали понять, что это не самое удобное время для таких мероприятий, вот и всё. Мы не отказываемся.

М.Скотт: Многие западные представители, включая Керри, Эро и даже Франсуа Олланда, использовали жёсткую риторику в адрес России по поводу бомбардировок Алеппо, под которые попадают в том числе и гражданские объекты, такие как больницы. Некоторые даже упомянули это в таких выражениях, как «военные преступления». Что бы Вы ответили на это?

В.Путин: Я бы сказал, что это политическая риторика, которая большого смысла не имеет и не учитывает реалии, происходящие в этой стране, и скажу сейчас почему. Я глубоко убеждён, что в ситуации, которая сложилась

в регионе в целом и в Сирии в частности, ответственность несут прежде всего наши западные партнёры, и в первую очередь, конечно, США и их союзники, в том числе, конечно, и ведущие европейские страны.

Давайте вспомним, как взхлёб все поддерживали «арабскую весну». Ну и что, где этот оптимизм? Чем это всё закончилось? Давайте вспомним, что из себя представляли Ливия или Ирак до того момента, как эти государства или государственные структуры не были уничтожены силами разных наших западных партнёров.

Это были, конечно, не примеры демократии в сегодняшнем понимании. Наверное, можно и нужно было влиять на изменение структуры общества, структуры государства, структуры власти, самой природы власти. Но, во всяком случае, там точно совершенно не было признаков терроризма. С этих территорий не исходила угроза ни для Парижа, ни для Лазурного берега Франции, ни для Бельгии, ни для России, ни для Соединённых Штатов.

Теперь это источник террористической угрозы. Наша цель заключается в том, чтобы того же самого не допустить на территории Сирии.

Я знаю Ваш вопрос по поводу беженцев. Видимо, об этом Вы хотели спросить? Если нет, то я всё равно на него отвечу. Давайте вспомним, что проблема беженцев возникла задолго до того, как Россия начала предпринимать свои усилия по нормализации и стабилизации ситуации в Сирии. Массовый исход людей с этой огромной территории Ближнего Востока и даже из Африки, из Афганистана, он начался задолго до наших активных действий в Сирии.

Любые обвинения России в том, что она якобы виновата в проблеме беженцев, абсолютно безосновательны. Наша цель как раз заключается в том, чтобы создать условия для возвращения людей к своим родным очагам.

Теперь по поводу гуманитарной составляющей вокруг Алеппо. Мы что, забыли, как американская авиация нанесла удар в Афганистане по больнице, где были убиты в том числе [сотрудники организации] «Врачи без границ»? Целыми свадьбами, по 100 человек уничтожали людей в Афганистане. А сейчас в Йемене что произошло: одним ударом на траурной церемонии 170 человек убиты, 500 ранены.

В любом месте, где идут боевые действия, к сожалению, погибают и страдают ни в чём не повинные люди. Но мы не можем позволить террористам прикрываться людьми как живым щитом и не можем позволить им шантажировать весь мир, когда они кого-то захватывают в заложники, убивают, обезглавливают.

Если мы хотим довести дело борьбы с терроризмом до конца, надо с ними бороться, а не идти у них на поводу, не сгибаться и не пятиться назад.

М.Скотт: Господин Президент, дело в том, что французы не понимают, почему вы подвергаете бомбардировкам тех, кого вы называете террористами. Ведь на нас напал ИГИЛ, а игиловцев нет в Алеппо. Именно этого не понимают французы.

В.Путин: Я вам поясню. В Алеппо ситуацию контролирует другая террористическая организация – «Джабхат-ан-Нусра», она всегда считалась крылом «Аль-Каиды» и включена в список террористических организаций ООН.

Что нас просто повергает в уныние и удивляет, это то, что наши партнёры, в том числе и американские, так или иначе всё время стараются вывести её за рамки этих террористических организаций. И я вам скажу почему. Мне кажется, что наши партнёры постоянно наступают на одни и те же грабли. Они хотят использовать боевой потенциал этих террористических организаций и радикалов для достижения политических целей, в данном случае для борьбы с президентом Асадом и его правительством, не понимая, что им потом не удастся поставить [боевиков], что называется, в стойло и заставить жить потом по цивилизованным правилам, если они кого-то победят.

Мы неоднократно договаривались с американцами, что они отделят «Джабхат-ан-Нусру» и такие же, как «Джабхат-ан-Нусра», организации от так называемой здоровой части оппозиции, в том числе в Алеппо. И они с нами соглашались, что это надо сделать. Больше того, мы даже договариваемся об определённых сроках, но ничего не выполняется, из месяца в месяц.

Мы совсем недавно договаривались о том, чтобы объявить о прекращении огня – день «Д», как говорили наши американские друзья. Я настаивал на том, чтобы сначала они решили задачу разделения «Джабхат-ан-Нусры» и других террористов от здоровой части оппозиции, а потом объявить прекращение огня.

Но американцы настаивали на том, что сначала надо объявить прекращение огня, а потом они выполнят задачу разделения террористов от нетеррористов. В конце концов мы пошли им навстречу, согласились с этим, и 12 сентября был объявлен день тишины, прекращение боевых действий. А 16 сентября американская авиация нанесла удар по сирийской армии, погибли 80 человек.

В этот же самый момент, сразу после авиационного удара, ИГИЛ – здесь уже ИГИЛ – перешла в наступление на этом участке. Наши американские

коллеги нам сказали, что это был ошибочный удар. Правда, в результате этой ошибки погибло 80 человек. Это первое. А второе: наверное, тоже случайно ИГИЛ перешла в атаку сразу после этих ударов.

В то же время на низшем уровне, на оперативном, один из американских военных прямо рассказал о том, что они несколько дней готовили этот удар. Как они могли ошибиться, если они это готовили несколько дней?

Таким образом, наши договорённости о прекращении огня были сорваны. Кто их сорвал? Мы, что ли? Нет.

М.Скотт: Уже упоминается и возможность возвращения к холодной войне, но есть по крайней мере один американец, которому Вы нравитесь, – это Дональд Трамп. А как Вы к нему относитесь, нравится он Вам?

В.Путин: Послушайте, нам все нравятся. Америка – великая страна, американцы – очень интересный, симпатичный, талантливый народ. Это великий народ, великая нация.

Кого изберут, с тем и будем работать. Но, конечно, легче работать с теми, кто хочет работать с нами. Если Трамп говорит «я хочу работать с Россией», то мы можем это только приветствовать. Надо только, чтобы эта работа была честной обоюдно, взаимно.

Смотрите, мы все, возвращаясь к Алеппо, говорим о необходимости проведения гуманитарных конвоев. Все нас убеждают в том, что это нужно сделать. А нас не нужно убеждать, мы сами так считаем, считаем, что нужно организовать гуманитарный конвой. Но как это сделать? Там есть только одна дорога, по которой должны проходить конвои, с одной стороны там стоят боевики, с другой – части сирийской армии. Мы знаем уже о провокации, об ударе по одной из этих колонн, и нам точно известно, что это сделала одна из террористических группировок.

Мы говорим: давайте отведём боевиков с одной стороны и сирийскую армию – с другой, освободим дорогу, дадим безопасный проход по этой дороге для гуманитарных конвоев.

С нами все соглашаются, больше того, даже записывают это в определённые документы, потом ничего не происходит, никто ничего не делает со стороны наших партнёров. Либо не хотят отводить боевиков, либо не могут это сделать – не знаю.

Но поступает экзотическое предложение. Я сейчас удивлю и вас, и ваших зрителей. Нам предложили, чтобы наши вооружённые силы, военнослужащие российской армии, встали на этой дороге и обеспечили

безопасность. Наши военные, люди мужественные и решительные, пришли ко мне и сказали: да, хорошо, мы готовы.

Я сказал: нет, мы сделаем это, но только вместе с американцами, предложите им это. Мы предложили, они [американцы] тут же отказались, вставить не хотят, отводить боевые подразделения этих группировок оппозиционных, террористических не хотят. Что с этим делать?

Нам нужно просто повысить уровень доверия друг к другу и понять, что эти угрозы являются общими, только работая вместе, можно их купировать и устранить.

С французскими спецслужбами у нас очень хорошие отношения. Действительно, работают вроде бы на одной волне друг с другом – и наши специалисты по борьбе с терроризмом, и французские, и некоторых других европейских стран. Но так бывает не всегда.

Вот мы, допустим, посылаем нашим американским партнёрам какую-то информацию, и часто вообще никакой реакции нет. Некоторое время назад отправляли информацию о братьях Царнаевых. Первую бумагу послали – ноль, вторую бумагу послали – пришел ответ: это не ваше дело, они уже граждане США, мы сами разберёмся.

Результат – теракт в США. Разве это не пример того, что, пренебрегая сотрудничеством в этой чрезвычайно чувствительной сфере, мы несём потери?

Нужно заниматься не политической риторикой, а искать выход из ситуации, сложившейся в том числе в Сирии. Какой выход? Он может быть только один: нужно убедить все вовлечённые в этот конфликт стороны идти по пути политического урегулирования.

Вот мы договорились с Президентом Асадом, он согласился пойти по пути принятия новой конституции и провести на основе этой конституции выборы. Но никак не удаётся никого больше в этом убедить.

Если народ не проголосует за Президента Асада, значит, демократическим способом произойдёт смена власти, но не с помощью вооружённого вмешательства извне, а под строгим международным контролем, контролем ООН. Я не понимаю, кого это может не устраивать, это демократический способ решения вопроса о власти. Но мы не теряем оптимизма и надеемся, что всё-таки нам удастся убедить всех наших коллег и партнёров в том, что это единственный путь решения проблемы.